

НА ЯЗЫКЕ ЛИЦЕЯ

Стихотворение Пушкина «19 октября» (1825) содержит в обращении поэта к его товарищам по Царскосельскому лицее две строки, которые нуждаются в прояснении их скрытой основы:

Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Как представляется, строки могут быть поняты полностью только в том случае, если будет принято во внимание то переиначенное в них античное изречение, которое было известно и Пушкину, и его друзьям по Царскосельскому лицее. Скорее всего, они знали его по школьному — французскому или латинскому (а может быть, и русскому) — переводу Фукидида (Thucydides, II, 43), у которого Перикл говорит: «ἀνδρῶν γὰρ ἐπιφανῶν ... πᾶσα γῆ». То же стихотворное изречение находим у Демокрита (Stobaeus, Florilegium, III, 40, 7): τοῦ αὐτοῦ (sc. Δημοκρίτου) ἄνδρῳ σοφῶν πᾶσα γῆ βατή ψυχῆς γὰρ ἀγαθῆς πατρίς ὁ ξύμπας κόσμος. «Демокрит: Для мудреца открыта вся земля, ибо весь мир — родина для высокого духа» (Лурье 1970, с. 156, 372). Изречение было популярно в Греции уже до Демокрита (Natorp 1893, 117, Anm. 41; Лурье 1970, с. 602), что следует из наличия его в измененном виде в эпикурейской литературе (Diogenes Oenoandensis, fr. 25, col. II, 3): καθ' ἐκάστην μὲν γὰρ ἀποτομὴν τῆς γῆς ἄλλων ἄλλη πατρίς ἐστίν, κατὰ δὲ τὴν ὅλην περιοχὴν τοῦδε τοῦ κόσμου μίᾳ πᾶντων πατρίς ἐστίν ἢ πᾶσα γῆ καὶ εἰς ὁ κόσμος οἶκος.

То, что Демокрит, как и Фукидид (и Перикл, чья речь в данном случае могла быть передана Фукидидом дословно) использовали (как и эпикурейские писатели) давно бытовавшую стихотворную цитату, подтверждается как ее явной поэтической структурой (Freudenthal 1886, 38, Anm. 3; Luria 1925; 1929, 88—90; Лурье 1970, с. 601):

ἀνδρῶν ... σοφῶν \cup — \cup πᾶσα γῆ βατή
ψυχῆς γὰρ ἀγαθῆς πατρίς ὁ ξύμπας \cup — , —

так и наличием у Эврипида аналогичных мест, в которых один из тончайших его знатоков — Анненский (1907, с. 50) давно распознал «крылатые слова», такие как (Euripides, *Fabula incerta*, fr. 1047 Nauck):

ἄλας μὲν ἄτηρ αἰετῶν περὰ σπυροῦ
ἄλασα δὲ χθῶν ἀνδρὶ γενναίῳ πατρίς...

Весь воздух — дорога для орла,
Вся земля — отчизна для благородного мужа...

(Анненский 1907, с. 50)

Сходство основного образа первой строки с аналогичным пушкинским орлом, летящим «мимо башен» (сторожевых на границах), представляется разительным; оно говорит не столько в пользу поисков прямых источников пушкинского образа, сколько за одинаковое направление мифопоэтического полета орла (Иванов, Топоров 1982) в разных поэтических традициях, возможно в конечном счете восходящих к древнейшей архетипической символической. Но совпадает и ее использование у Пушкина и Эврипида, подтверждающее близость понимания ими свободы духа.

У Эврипида же находится и еще более близкое соответствие разбираемому греческому изречению при сохранении следов его поэтической формы (Euripides, *Phaëthon*, fr. 777 Nauck):

ὡς πανταχοῦ γε πατρίς ἡ βόσκουσα γῆ.

Степень космополитичности Эврипида попытался очертить Анненский. По его словам, «именно представление об Афинах как центре эллинского мира, культивируясь в сознании герольдов этого города, и обещало в будущем идею мира уже не только эллинского, но и всеобъемлющего: дело в том, что с самого начала центр Эллады заявил себя чуждым всякой исключительности. Не надо удивляться поэтому, что Эврипид, при всей склонности его к экзотизму и несмотря на философскую просвещенность ума, был, как раз, наиболее аттическим из трагиков» (Анненский 1907, с. 22). Привязанность Эврипида к афинской тематике не исключает, однако, и проступающих примет космополитизма, которые Анненский видит в иных его вещах. Но и в этом Эврипид верен общеаттической тенденции: «...афиняне, хотя и мнившие себя автохтонами, всегда были ‘непоседами’» (Анненский 1907, с. 23). Почвеннические афинские мифы, в которых участвуют персонажи с именами архаического индоевропейского типа с начальным ἐρι <* egi- (‘хозяин — гость’, ‘чужой — член племени’, Иванов 1979), позднее переосмысляются в духе типологически закономерного городского отчуждения от почвенничества (Логаux 1979). «Понятие о человеческом достоинстве, свободе и буду-

щем человечества не могло ... и в Афинах застыть на стадии панэллинстической идеи. Даже в культе были зерна космополитизма, и они рано дали ростки в Элевсинских мистериях. Не могла быть национальной и наука» (Анненский 1907, с. 23).

Переиначенные варианты космополитического стихотворного изречения находим не только у Эврипида, но и у Софокла и других трагиков (Лурье 1970, с. 602), а в пародии — и у Аристофана (Aristophanes. Plutus, 1151):

πατρίς γάρ ἐστὶ πᾶσ' ἴν' ἄν πράττητι τις εὖ.

Именно переделки, доходящие до пародийных, и могут представить наибольший интерес для сравнения с пушкинским стихотворением. К числу их можно отнести и несколько коробившее Анненского своим цинизмом цидероновское «Patria est ubicunq̄ue est bene» (Cicero, Tusculanae disputationes, V, 37, 108), представленное как пересказ изречения оракула, данного Тевкру при отправлении его из Саламина на Кипр. Предполагается, что этот исторический контекст (вероятно, известный Пушкину по лицейским урокам) и был первичен для древнего прототипа изречения; другой аналогичный контекст сообщается двумя авторами (Diogenianus Paroemiographus VII, 48; Zenobius Paroemiographus V, 74) по отношению к пеласгу Мелею, которому оракул говорит «πᾶσα γῆ πατρίς» (ямбическая вариация, определяющая жанр текста как драму, Лурье 1970, с. 602), когда того выселяют из Италии в Афины.

В стихотворении Пушкина, где много говорится о ссылке и ее близком (и в воображении поэта, и в угадываемой им своей биографии) конце, переиначивание стихотворного изречения оракула, первоначально относившегося к ссылке, высылке или переселению, особенно уместно. Естественным именно в этом стихотворении представляется и выбор источника изречения, переиначенного Пушкиным. Пушкин вспоминает учителей (в ранней редакции — Куницына, читавшего курс естественного права), в черновиках упоминает лицейский словарь, определявший смысл терминов философских и социальных через цитаты из разных авторов. В набросках он делится и желанием «поговорить на языке Лицея». Язык предполагает использование сентенций, подобных вошедшим в словарь Кюхельбекера. Но Пушкин не повторяет их, а переделывает.

Для сравнения с пушкинскими строками удобно воспользоваться тем переводом изречения Демокрита, которое дал Анненский — крупнейший поэт из связанных позднее с царскосельской традицией, как бы самым подбором слов намекнув на возможность сближения со стихами Пушкина (Анненский 1907, с. 24): «Мудрецу открыта вся земля, потому что целый мир — отечество доброй душе». Пушкинский афоризм строится на отрицании: бывшим лицеистам целый мир — чужбина, а не отечество, которое для них — в Царском Селе.

Конечно, при этом переименовании предполагается известным и первоначальный смысл изречения, и контекст, в котором оно впервые было применено. Ссылочный поэт, пророча свое скорое освобождение из ссылки, искусно напоминает лицеистам слова утешения, согласно которым отечество — в целом мире. Но напоминает он не повторением этого утверждения, а кажушимся его отрицанием.

В античном прообразе пушкинского утверждения есть два противопоставляемых и сопоставляемых полюса: «целый мир» и «отечество». Пушкин, как бы возвращая прообраз в исторический контекст аттического полиса, добавляет третий член ряда: Царское Село, место, где лицеисты образовывали свое содружество. Это место и становится отечеством. Последнему слову придается смысл интеллектуального и культурного единства, чем и были Афины для членов афинского содружества интеллигентов времен Эврипида. Для Пушкина (как и для Эврипида) вне этого содружества отечество немислимо. Из такого содружества нельзя выслать, оно сохраняется как «невидимый колледж» (invisible college), если воспользоваться терминологией историков науки XX века. Новым (и опять-таки предвосхищающим будущее) у Пушкина оказывается противопоставление «невидимого колледжа» — единства лицеистов, чье отечество всегда с ними (как Германия была с Томасом Манном, по его собственным словам), — и «целого мира», который весь в целом — чужбина. Напомним вариации последней мысли у таких поэтов нашего века, как Цветаева. В философии постнищанского индивидуализма не остается обычно места для «невидимого колледжа», чужбине целого мира противопоставлено «я» поэта и «отечество», вне которого находится поэт (часто или обычно даже тогда, когда физически он и не стал изгнанником, как Данте, к которому в связи с этой темой возвращались и Мандельштам, и Ахматова). Пушкин же еще прямо продолжает афинскую традицию принадлежности поэта содружеству людей равной ему культуры, говорящих на том же «языке Лицея». Этот язык, на котором и выражена пушкинская мысль, принадлежит только новому «отечеству», только Царскому Селу времен Лицея — в такой мере, что даже и специалистам-пушкиноведам было неясно исходное значение пушкинских строк (вплоть до упомянутой статьи Анненского, чье прозрение осталось незамеченным по той же причине). Самый этот язык и служит приметой «отечества», знаком единения в Лицее, или в Царском Селе.

Примечание

Автор признателен Л. М. Баткину за встречные предложения в развитие того толкования, которое было навеяно сопоставлением с античным прообра-

зом пушкинских строк (Иванов 1982, там же см. другие примеры поисков скрытой основы текста в стихах Пушкина и других поэтов). Л. М. Баткин и М. Б. Мейлах обратили также внимание на наличие перифразы этой же древней сентенции (возможно, мотивированной постоянными переездами мобильных греков с места на место, часто вынужденными: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л.: изд. Ленингр. ун-та, 1985, с. 41—48) у Данте. В окончательной формулировке двух пушкинских строк существенно и созвучие: *цѣлый — село* (при анаграмматической игре спирантов и аффрикат: *ц — ч* в первой строке и *ч — с — ц — с* во второй).

Литература

Анненский И. Ф.

- 1907 Афинский национализм и зарождение идеи мирового гражданства // *Гермес*, № 1, октябрь—декабрь, с. 21—25, 50—52.

Иванов Вяч. В.

- 1979 К греческому отражению индо-ир.-греч.*er-i- // *Balcano-baltoslavica*. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., с. 13.
- 1982 О скрытой основе текста // *Текст—82*. М.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.

- 1982 Орел // *Мифы народов мира*, 2. М.

Лурье С. Я.

- 1970 Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука. Ленингр. отделение.

Freudenthal J.

- 1886 Die Theologie des Xenophanes. Breslau.

Loraux N.

- 1979 L'autochtonie: une topique athenienne // *Annales. Economies. Societes. Civilisations*, 34 annee, Janvier—Fevrier, p. 3—26.

Luria S.

- 1925 Zur Geschichte einer kosmopolitischen Sentenz // Доклады Академии наук СССР, с. 78—81.
- 1929 Entstellungen des Klassikerextes bei Stobaios // *Rheinisches Museum*, 78, S. 81—104.

Natorp V. P.

- 1893 Die Ethika des Demokritos. Marburg.

Постскриптум

Впервые напечатано: *Semiotics and the History of Culture. In Honor of Yuri Lotman. Studies in Russian. UCLA Slavic Studies. Vol. 17. Columbus, Ohio: Slavic Publishers, Inc., 1988, p. 379—383.* В это время проблема высылки из страны, эмиграции и отношения к родине всех, кто вне ее, стала особенно острой.

Некоторые из вопросов, с этим связанных, рассматриваются ниже (с. 697—706), в статье о русской диаспоре. Как отмечено в «Заметках на полях текстов Пушкина», разбираемые в настоящей статье строки отозвались в стихотворении Пастернака «Так начинают года в два...» (сборник «Темы и вариации», где весь цикл, давший заглавие сборнику, посвящен Пушкину):

Так начинают понимать,
И в шуме пущенной турбины
Мерещится, что мать — не мать,
Что ты — не ты, что дом — чужбина.

Для раннего детства, отзвуками которого, по Пастернаку, всегда полна подлинная поэзия, отношение между миром и домом перевернуто. Для поэта и для маленького ребенка дом оказывается чужбиной. В этом сказывается близость к Рильке: «*Ich habe keine Geliebte, kein Haus*» — «У меня ни любимой, ни дома»).